

16. Helbig, G. Zum Verhältnis von Grammatik und Fremdsprachenunterricht // Deutsch als Fremdsprache. – 1972. – Heft 1. – S.10–18.
17. Helbig, G. Bemerkungen zum Problem von Grammatik und Fremdsprachenunterricht // Deutsch als Fremdsprache. – 1975. – Heft 6. – S.325–332.
18. Helbig, G. Grammatik und ihre Benutzer // Reihe Germanistische Linguistik: Offene Fragen – offene Antworten in der Sprachgermanistik. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992. – S. 135–150.
19. Helbig, G., Buscha, J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1993. – 737 S.
20. Hennig, M. Können gesprochene und geschriebene Sprache überhaupt verglichen werden? // Jahrbuch der ungarischen Germanistik. – 2000. – S.67–74.
21. Iluk, J. Probleme der Befähigung zum Ausdruck von Emotionen in der Fremdsprache aus curricularer Sicht // Deutsch als Fremdsprache. – 2002. – Heft 2. – S.96–102.
22. Jahr, S. Die Vermittlung des sprachlichen Ausdrucks von Emotionen im DaF-Unterricht // Deutsch als Fremdsprache. – 2002. – Heft 2. – S.88–95.
23. Kaiser, D. Sprache der Nähe – Sprache der Distanz: eine relevante Kategorie für den DaF-Unterricht? // Deutsch als Fremdsprache. – 1996. – Heft 1. – S.3–9.
24. Klopstock, F.G. Grammatische Gespräche. // Klopstocks sämtliche Werke. – Leipzig: G.J. Göschen'sche Verlagshandlung, 1855. – Band. 9. – Der Wohlklang: Drittes Gespräch.- S. 44-67.
25. Krämer, S. Sprache und Schrift oder: Ist Schrift verschriftete Sprache? // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. – 1998. – Band 15. – S.92–112.
26. Luscher, R., Schäpers, R. Grammatik der modernen deutschen Umgangssprache. – Ismaning: Max Hueber Verlag, 1992. – 196 S.
27. Reinke, K. Ein Babylon der Emotionen? Das Problem der kultur- und sprachenübergreifenden Erforschung der phonetischen Emotionssignale // Deutsch als Fremdsprache. – 2000. – Heft 2. – S.67–72.
28. Richter G. Einige Anmerkungen zur Norm und Struktur des gesprochenen Deutsch // Deutsch als Fremdsprache. – 1985. – Heft 3. – S.149–156.
29. Rug, W., Tomaszewski, A. Grammatik mir Sinn und Verstand. – München: Verlag Klett Edition Deutsch, 1997. – 315 S.; 2006. – 256 S.
30. Sitta, H. Anforderungen an Grammatiken unter pädagogischer und linguistischer Perspektive // Linguistische und didaktische Grammatik. Beiträge zu Deutsch als Fremdsprache. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1989. – S.29–39.
31. Thurmair, M. Standardnorm und Abweichungen. Entwicklungstendenzen unter dem Einfluss der gesprochenen Sprache // Deutsch als Fremdsprache. – 2002. – Heft 1. – S.3–8.

И.В. Соловьева

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ И СЕМАНТИКА ДИСКУРСА

Дискурс рассматривается нами в качестве одного из возможных режимов восприятия речевого произведения, обеспечивающего определенные возможности применения герменевтического метода, определяющего режим его интерпретации в процессе понимания.

Референция в условиях порождения/рецепции дискурса приобретает иную форму и функцию, нежели та, что существует в языке. Для референции в дискурсе характерна процессуальность, определяющая сферу принципиальных возможностей формирования значений и смыслов высказывания в дискурсивном поле – и, соответственно, поле возможных интерпретаций. Это значит, что представления о процессе означивания как наделянии значением данных чувственного восприятия подразумевают деятельность рассудка и разума в качестве этапов формирования значения и смысла, что влечет неприемлемость для современной герменевтики представлений о знаке (характерных для эпохи структурализма в лингвистике и прогрессивных еще 20 лет назад) как находящемся лишь в отношении обозначения к объектам.

Однако как полный отказ от структурных представлений, так и точка зрения «из субъекта» являются непродуктивными крайностями для герменевтики в целом и герменевтики дискурса в нашем случае, поскольку «обновленная феноменология значения» (так П. Рикер называет современную ему феноменологию) несколько отлична от феноменологии Э. Гуссерля и М. Мерло-Понти, всецело полагавшихся на субъекта как носителя значения. Нельзя не признавать теоретического статуса лингвистики или важности языковой структуры, полагаясь лишь на признание процесса: «только благодаря лингвистике языка и посредством нее сегодня возможна феноменология слова, то есть только в последовательной борьбе с пресуппозициями семиологии она должна вновь получить доступ к трансценденции знака, иными словами, свою отсылку» [5: 352].

Структурная организация языка, тем не менее, не может исключить из процесса понимания фактор неопределенности, который является источником его безграничной продуктивности в процессе означивания. Основой такой продуктивности, в частности, представляется трактовка, например, К. Бюлером «речевых актов» в духе «смыслонаделяющих актов» Гуссерля. Акты такого рода предусматриваются особенностями языковой репрезентации, всегда связанной с определенной семантической неопределенностью, обуславливающей определенную степень свободы субъективного «смыслонаделения». Такая «неопределенность» и, соответственно, свобода наделяния значением, представляет собой одну из сущностных характеристик языка, поскольку является необходимым условием решения стоящих перед языком задач. «Если бы дело обстояло иначе, лексикографу было бы, конечно, легче, но естественный язык лишился бы своих самых удивительных и практически наиболее ценных свойств, а именно способности справляться с неисчерпаемым богатством того, что подлежит языковой формулировке в каждом конкретном случае» [1: 64]. Это позволяет нам отнести референциальный акт в разряд смыслонаделяющих, так как в его пределах осуществляется процесс означивания, имеющий характер сдвига от денотата к референту или наоборот. Кроме того, референциальный акт обладает признаками акта герменевтического, так как предоставляет новые возмож-

ности для понимания знаковых образований через их интерпретацию. Понимание в герменевтике является не столько деятельностью по отнесению их к объектам, сколько процессом формирования значения и смысла: отнесение знака к объекту или ситуации создается деятельностью, является продуктом и элементом деятельности и может как процесс и результат быть понято только с этой точки зрения. П. Рикер [5: 353] соглашается с Э. Бенвенистом, который, безусловно, сближает такие вещи, как «сказать что-то», «обозначить», «представить». «Противопоставлять знак знаку это функция *семиологии*, представить реальность с помощью знака – это функция *семантики*, первая подчинена второй. Первая находится в поле зрения второй, или, если угодно, язык артикулирован в зависимости от означающей или репрезентативной функции» [Ibid.]. Таким образом, семантика дискурса может быть определена в качестве поля деятельности по представлению реальности с помощью знака. Одновременно семантическое поле дискурса является и полем герменевтическим, так как именно семантические сдвиги дают пищу интерпретирующему пониманию.

Понятия «реальность» и «знак» в дискурсивном поле трансформированы. Мы уже обсуждали вопросы мифологизации в дискурсе, рассматривая возможности мифотворчества продуцента дискурса, и вновь подчеркнем факт превращенной формы реальности в ее дискурсивном представлении, что имеет место даже при построении сообщения, начинающего свою дискурсивную жизнь в качестве заранее подготовленного текста заданной риторической структуры. Здесь хотелось бы продемонстрировать то, каким образом референциальный сдвиг создает семантическую лакуну, в пределах которой может быть восстановлен смысл.

Таким дискурсом, к примеру, является речь, выстроенная по риторической схеме *ab ovo* – от более раннего события к более позднему, от причины – к следствию. Продуцент, как бы самостоятельно и впервые проходя шаг за шагом и регистрируя проблемы «по мере их поступления», «ведет» за собой реципиента, связывая его линейное понимание логикой своего изложения. Роль говорящего при этом интерпретируется как роль регистратора истинных фактов – «очевидца», «хроникера», «летописца» – и, тем не менее, эта риторическая позиция говорящего, как и содержание его речи, является мифологизированным вариантом реальности: «*So let us mark this day with remembrance of who we are and how far we have traveled. In the year of America's birth, in the coldest of months, a small band of patriots huddled by dying campfires on the shores of an icy river. The capital was abandoned. The enemy was advancing. The snow was stained with blood*» [Б. Обама, фрагмент инаугурационной речи – 2009].

Суть мифологизации в дискурсе, таким образом, состоит в фактической подмене референта, и, в результате, обращении референции на иной объект (или обращении референции продуцентом на себя как «иное лицо») как способ создания смысла.

Обсуждение какой-либо из сторон проблемы референции влечет рассмотрение соответствующих проблем знака, связанных с границами знака в дискурсе, где знак приобретает протяженность и границы, отличные от слова, тяготея к высказыванию и предложению, а значение, соответственно, перерастает в смысл.

Знак как таковой является для герменевта средоточием многих разнородных отношений и связей, объединяет в одну целостную систему элементы разного рода и сам, следовательно, существует только на пересечении этих разнородных отношений. Представление о существовании знака лишь по той причине, что люди относятся к нему как к знаку, благодаря тому, что они понимают его как знак и приписывают ему определенный смысл, уже стало в науке общим местом. Знак оказывается включенным в сферу человеческого сознания, и вне ее, казалось бы, не может оставаться таковым. Это возвращает нас к проблеме освоения значения носителем языка или реципиентом «с учетом его включенности в более широкий контекст ситуации, действия, деятельности, дискурса» [2: 223]. Детальный анализ теорий значения как того, что стоит за словом у индивида, появившихся в публикациях последних лет, А.А. Залевская приводит в своей статье «Значение слова и возможности его описания» [Op. cit.: 215–233]. Наша гипотеза референциального сдвига как источника смысла в дискурсе некоторым образом сродни теории Дж. Миллера, обратившего внимание на специфику функционального значения слова в отличие от его предметного значения: как это, например, видно из дискурса названия одного из телевизионных фильмов – «Моя жена – ведьма».

Помимо включенности знака в сознание индивида, и – опосредованно, через сознание индивида, в контекст ситуации, деятельности и речи, столь же очевидно то, что условием понимания знака и отношения к нему как к знаку является его включенность в системы культуры и, в частности, в те или иные системы грамматик. Общность систем грамматик является непременным условием адекватного понимания знаковых текстов разными людьми.

Таким образом, знак как таковой существует постольку, поскольку существует понимающее его сознание и обеспечивающие это понимание системы культурных средств. Вот, например, заглавие статьи в журнале *Rolling Stone* (№2 (44), февраль 2008): «Владимирский централ. 70 лет Владимиру Высоцкому», или там же: «Кто старое помянет: главные события 2007 года», где фразы «Владимирский централ» и «кто старое помянет» подверглись полному или частичному референциальному сдвигу, «в сторону» предметного языкового значения. Но, сказав это, мы фактически оказываемся перед проблемой, формирования представления о том, что же представляет собой это существование знака в пределах понимающего сознания [7: 542].

Вопрос, поставленный Г.П. Щедровицким, актуален и для сегодняшней герменевтики, поскольку проблема знака, значения и смысла может

по-своему решаться в герменевтическом поле. Собственно употребляемое здесь нами понятие «герменевтическое поле» на сегодняшний день представлено кругом философских и лингвистических представлений о языке, речи, взаимосвязью понятий «субъективность», «рефлексия», «интенция», «речевой продукт» (текст или дискурс), «интерпретация», «смысл». Понятие «речевой продукт», взятое в качестве дискурса, есть речевое произведение (речь или текст) в процессе и ситуации его продукции/предъявления и рецепции/освоения. Характерными признаками бытования знака в дискурсе являются, на наш взгляд, сдвиг от денотации к референции и трансформация референции из единичного акта (или факта соотнесения) в деятельность.

С точки зрения герменевтики, следовательно, дискурс представляет собой речевой продукт, линейно развертывающийся в ситуации его продукции и рецепции, и характеризующийся сдвигом от денотации к референции (или обратно – от референции к денотации, если речь идет об устоявшихся языковых конструкциях, в пределах которых значения слов стерты) с преобладанием смысла над значением при линейном удлинении знаковой формы.

Референция, на наш взгляд, может послужить для герменевта деятельностным полем восстановления смысла дискурса – в том случае, если соотнесение знаков разного уровня и объема рассматривать не как данность сознанию, а процесс и результат деятельности, и «новая лингвистическая единица, на которую могла бы опереться феноменология значения, имеет уже отношение не к языку, но к речи, или дискурсу, эта единица – фраза, или высказывание; ее следует называть семантической единицей, а не семиологической, поскольку именно она означает» [5: 352].

Цитируемый автор полагает далее, что именно на основании этого фундаментального различия семантического и семиологического возможно осуществить конвергенцию лингвистики фразы (взятой в инстанции дискурса), логики смысла и соотнесенности (как об этом говорят Фреге и Гуссерль), и, наконец, феноменологии речи (Мерло-Понти). Однако сделать такой шаг сложно без выстраивания таксономических структур и определения фонологических, лексических и синтаксических основ высказывания [Op. cit.: 353] – т.е. в отрыве от структурных единиц речи.

Структурный подход, исследуя возможности герменевтического бытования знака в дискурсе, не следует отвергать и тогда, когда он представлен концепцией различения/разграничивания Ж. Деррида, смысл которой направлен на ревизию сути бинарных оппозиций как основного методологического принципа структурализма.

Несмотря на то, что проблемы означивания и различения принадлежат разным уровням языка и деятельности, они, скорее всего, комплементарны. Именно означивание и различение являются основой языковой игры в следующем нашем примере (пунктуация издания сохранена):

«ПАЛЬМА ПЕРВЕНСТВА

Rolling Stone побывал на Венецианском фестивале и встретился с Брайаном Де Пальмой – одним из лучших голливудских режиссеров триллеров, снявшем жесткую драму о Ближнем Востоке»
[*Rolling Stone* (№2 (44), февраль 2008), стр. 63]

Будучи тесно связанной с сопутствующими ей и поясняющими ее понятиями «след» и «происхождение», теория различения направлена на пересмотр традиционного понятия знака как структуры, связывающей «означающее» (по Соссюру, "акустический образ" слова) и «означаемое» (предмет или понятие о нем, концепт). Временной и пространственный интервалы, разделяющие означающее и означаемое им явление, превращают знак в «след» этого явления, и, как следствие, он теряет связь со своим «происхождением», оставаясь означающим не столько самого предмета или явления, сколько его отсутствия – вполне так, как в приведенном выше фрагменте инаугурационной речи Б. Обамы: «*a small band of patriots*», «*snow stained with blood*». Здесь наиболее явственно усматриваем не проблему референтности как соотнесенности языка с внеязыковой реальностью, а собственно референциальную функцию, взятую в качестве процесса означивания как установления взаимосвязи чисто языкового характера: одного означающего с другим означающим, слова со словом, одного текста с другим: «Различение — это то, благодаря чему движение означивания оказывается возможным лишь тогда, когда каждый элемент, именуемый "наличным" и являющийся на сцене настоящего, соотносится с чем-то иным, нежели он сам, хранит о себе отголосок, порожденный звучанием прошлого элемента, и в то же время разрушается вибрацией собственного отношения к элементу будущего; этот след в равной мере относится и к так называемому будущему, и к так называемому прошлому; он образует так называемое настоящее в силу отношения к тому, чем он сам не является...» [4: 13]. Отдавая должное теории Деррида, Рикер, однако, полагает, что за пределами семантической функции, в которой они актуализируются, семиологические системы теряют всю свою интеллигибельность; и задается вопросом, сохранит ли свой смысл различение означающего и означаемого вне референциальной функции [5: 354].

Когнитивная и коммуникативная позиции понимающего индивида коренным образом различаются. Трансформация «сущего в объект» [Ibid.], объекта в предмет, предмета в понятие есть познание. Философствование становится рефлексивным (познание становится косвенным), когда возникает необходимость определения того, частью чего является сам процесс определения: сознания, языка, бытия, поскольку язык полагается «общей архетипической реальностью» между внешним миром и человеком [3: 137]. «Таким образом, если когнитивное, некомуникативное языковое употребление требует прояснить отношение между предложением и положением дел, будь то в понятиях соответствующих интенций, пропозициональных установок, направлений адаптации или условий удовлетворения

потребностей, то коммуникативное употребление языка ставит перед нами вопрос о том, как это отношение связано с двумя другими (“быть выражением чего-либо” и “сообщить что-либо кому-либо”)» [6: 41].

На уровне чувственного восприятия человек имеет дело объектом, на уровне рассудка – с предметом, на уровне разума – с понятием. В рефлексивном философствовании человек имеет дело не с данными чувственного восприятия, но с моделями определяемых предметов, обусловленными его мировоззрением как способом видения мира. Следовательно, способность производить и усматривать референциальный акт в дискурсе обеспечивает возможности продуцировать и усматривать смыслы. Референциальный сдвиг может быть прямым, вести к формированию нового значения и смысла, или обратным, производящим эффект актуализации и выдвижения на первый план значения и смысла, стертого многократным языковым употреблением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 1993. – 528 с.
2. Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания // Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – С. 215–233.
3. Кюглер П. Алхимия дискурса. Образ, звук и психическое / Пер. с англ. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 224 с.
4. Нестеров А.Ю. Герменевтика и семиотика. Методические рекомендации. – Самара: Самар. гос. аэрокосм. ун-т., 2005. – 18 с.
5. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с франц. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с.
6. Хабермас Ю. Два модуса языкового употребления // Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. – СПб.: «Наука», 2006. – С. 38–43.
7. Щедровицкий Г.П. Что значит рассматривать язык как знаковую систему? // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Школа Культурной Политики, 1995. – 800с. – С.540–544.

М.О. Туркова-Зарайская

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОНИМАНИЯ БИБЛЕИЗМОВ В РЕЛИГИОЗНОЙ АУДИТОРИИ

Вопросы организации эксперимента

Для проведения эксперимента в религиозных кругах в целях дальнейшего сопоставления с результатами, полученными ранее в школьной и студенческой аудитории, был использован аналогичный материал. В экспериментальные бланки было включено 13 библеизмов: НЕСТИ СВОЙ КРЕСТ; СОЛЬ ЗЕМЛИ; КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ; НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ ЖИВ ЧЕЛОВЕК;